

Елена
Хасецкая

УЛЬФИЛА

ТОМ
4

Елена Владимировна Хаецкая
Здесь был Баранов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=156462

Аннотация

XXII век. Ученик интерната Союза Юных Космопроходчиков Дима Баранов никогда не проявлял особого усердия в учебе. И вот вместо того, чтобы как остальные сидеть в читальном зале за конспектами, он забирается в «бандуру» – старую машину времени, и по воле случая оказывается в Римской империи. И это путешествие во времени и пространстве переворачивает всю его жизнь...

Содержание

От автора	4
Исчезновение первое	5
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Елена Хаецкая

Здесь был Баранов

(фантастическая повесть в трех исчезновениях)

От автора

«Баранов» был придуман в 1989 году, когда автора приятно возбуждала новизна бытия: перестройка, талоны на чай, крупу и мыльно-моющие средства, обличительные статьи «Огонька» и «Литературки», да и вообще идея «Человек против Системы». Все это представлялось увлекательной игрой в Настоящую Жизнь. Как будто вдруг мы оказались посреди приключенческих рассказов о Великой Депрессии и, толкая на Сенной талоны за десятку, ощущали себя бутлегерами. Почему-то сохранялась при этом некая иллюзия, что вот сейчас поиграем-поиграем, пощекочем нервы, а потом – назад, в мягкое кресло, в пучину «застоя», где так уютно – «тепло и сыро».

«Баранов» стал истинным детищем этой эпохи. В нем есть «антиутопия» – воображаемое будущее, при котором везде и все очень плохо, кроме космического городка, где обитает элита общества; много напоминаний о том, как плохо живется при тирании и в частности при Сталине. Но поскольку автору в те годы совершенно искренне казалось, что все происходит понарошку, то мрачной, по-настоящему выстраданной антиутопии не получилось. Получилась игра в антиутопию.

Как и в случае с «Завоевателями», сработал странный феномен: декорации, внешний антураж – картонный, насквозь условный, а вот люди, помещенные в эти декорации, – живые. Во всяком случае, любимые автором.

Фантастическое допущение в повести сделано с принципиальным пренебрежением к науке и технике. Описание действия машины времени и совершенно бредовая идея «временных смерчей» подчеркнута неправдоподобны. Потому что раз не понимает автор в физике и математике – значит, нечего и пыжиться!

Что касается древнеримского быта, то его описания базируются преимущественно на трех «китах». Во-первых, это замечательная книга М.Е. Сергеенко «Простые люди древней Италии», зачитанная автором до дыр. Во-вторых, вовремя оказавшийся под рукой Овидий. И в-главных, это вымысел. Когда я чего-то не знала, то не шла в Публичную библиотеку и не шуршала там пыльными фолиантами, а просто выдумывала.

Несколько раз меня спрашивали о таком приеме рукопашного боя, как «флям», упоминаемый в «Баранове». Это тоже вымысел. Понятия не имею, как этот «флям» выглядит на деле. Обращаюсь к фантазии читателя.

*Дорогая Фантазия Читателя! На твой суд – псевдоантиутопия, псевдонаучная фантастика про жизнь, про смерть, про поиски настоящего.
навсегда твой
автор*

Исчезновение первое

Дверь с треском распахнулась и трижды грохнула железной ручкой о стену. В Знаменную Комнату СЮКа ворвались две подружки, Инка и Майя. Сьюкорг Ваня Терочкин, изучавший подшивку протоколов за прошлый год, поднял голову и вопросительно взглянул на девочек. Инка раскрыла рот, чтобы сообщить потрясающую новость, но Майя опередила ее:

– Димка Баранов нашелся!!

Дима Баранов, крепкий четырнадцатилетний подросток, лежал в спортзале на черных лоснящихся матах под шведской стенкой. В другом углу спортзала шлепала по полу мокрой тряпкой уборщица тетя Хоня, которая весила, по общему мнению, никак не меньше двух центнеров и постоянно нарушала законы физики.

– Разлегся... – неодобрительно отнеслась к Диме тетя Хоня.

Дима простонал и забормотал что-то на непонятном языке.

– Чегось? – не разобрала тетя Хоня. – Вроде, не по-нашему... Довели ребенка своей учебой, ироды... – Она уронила швабру на пол и, обтирая руки о халат, подошла поближе. – Батюшки, что это на нем надето?

Дима был облачен в грубую полотняную рубаху до колен и кожаные шнурованные сапоги. На правом плече имелась рана. Вторая кровоточила за ухом.

– Подрался опять с кем? – спросила бредившего Диму тетя Хоня и глубоко задумалась.

В спортзал поспешно вошли ребята – Инка, Майя, Иван Терочкин и зам по идеологии Артур Эйвадис.

– Здравствуйте, тетя Хоня, – сказал Ваня Терочкин. Тетя Хоня покосилась на вошедших и, кряхтя, взялась за швабру. Воспитанники столпились возле матов, ошеломленно вслушиваясь в невнятные речи Димы.

– Ребята, он бредит по-латыни, – уверенно определила Инка.

– Что ж, когда Баранов вспомнит родной язык, пусть объяснит свои прогулы, – холодно произнес Артур.

– Посмотрим, как он отработает все домашние задания, – добавила Майя.

Иван сгреб в охапку беспокойно метавшегося Диму и потащил его через длинные коридоры интерната вверх по лестнице в спальни воспитанников. Нарушая все правила и распорядки, Иван уложил Диму в кровать (прямо в обуви!.. днем!..) и принялся расшнуровывать его диковинные сапоги.

Воспитанники интерната были членами еще не сформированной межпланетной экспедиции. По достижении совершеннолетия им предстояло отправиться в космос, чтобы продолжить дело родителей. Для того и был создан Союз Юных Космопроходчиков, о котором по праву говорили:

В труде и учебе сознательным будь!
СЮК – это в космос единственный путь!

Поэтому в программу обучения заранее были заложены необходимые будущим астронавтам специальности. Ивану заранее была отведена роль командира. Диму Баранова как самого бесперспективного назначили медиком. На Земле вот уже сто лет никто не болел, но должность экспедиционного врача была сохранена – из традиционного почтения к инструкции по Технике Безопасности. Старые космолетчики говорили, что каждая строка в ТБ полита кровью.

Иван боком подсел на кровать. Бредивший Дима вдруг замолчал и уставился на него.

- Ты чего? – шепотом спросил Иван.
Дима вздохнул и успокоенно закрыл глаза.
– Ванька... – сказал он.

Дима Баранов исчез из интерната 186 дней назад. Когда директор объявил, что случилось ЧП, возмутительное для СЮКа, и что повинен в этом никто иной, как Вадим Баранов из предгалактического класса, все вдруг ощутили, что все время ждали от беспокойного и туповатого Димы чего-то именно в таком роде. Какой-то безобразной и необъяснимой выходки.

После собрания актив СЮКа заперся в Знаменной Комнате, чтобы еще раз вспомнить весь тот день в мельчайших деталях. Но ничем он не отличался от остальных.

Как обычно, услышав по радио внутренней связи бодрый голос диктора «Подъем!» – а затем записанный на пленку марш «Ты товарищ мой и друг, нас объединяет СЮК», ребята вскочили с коек и тут же начали обливаться холодной водой и выполнять гимнастические упражнения. И только Дима Баранов поудобнее устроился на жесткой койке и подsunул кулак под голову. Иван низринулся на плетеный коврик и с ходу приступил к своим обычным ежеутренним двадцати пяти отжиманиям.

– Физику приготовил? – спросил Диму Иван и прилег голым животом на жесткую солому.

Дима, сидя на койке, пошевелил пальцами ног.

– Ты же знаешь, – проговорил он, – наш Коркин слеп на правый глаз и глух на левое ухо...

Иван вздохнул и стал одеваться. Он один во всем интернате был в курсе, что Дима, не успев списать решение задачки, иногда предъявлял немощному физику фальшивое домашнее задание. Коркин был в состоянии разобрать только одно: написано что-то в тетрадке или не написано, и Дима, сделав это открытие из жизни Коркина, широко им пользовался.

Только дружба с сукоргом спасала Диму от изгнания из рядов СЮКа и вообще из космической службы. Дима был ленив и крайне туп в вопросах физики. Любое электронно-вычислительное устройство в ужасе отказывало при одном только беглом взгляде на Баранова.

А однажды, уснув во время доклада об идеологической обстановке в глубоком космосе, он упал со стула. Иван сидел тогда в президиуме и не мог даже кольнуть подлеца Баранова значком «Отличник космоподготовки», дабы тот очнулся.

Вот и сейчас Вадим проигнорировал утреннюю гимнастику, наплевательски отнесся к получению заряда бодрости на весь день, оделся кое-как и без всякого энтузиазма встал в строй поближе к левому флангу.

По радио снова зазвучал марш. Отряд чеканным шагом направился в столовую. Навстречу им попала библиотечарша Вера Сергеевна. Она всегда носила одни и те же вышедшие из моды брюки, была коротко подстрижена, на верхней губе имела усики и отличалась нескрываемой ненавистью к читателям. Когда в библиотеке появлялся неприятель, Вера немедленно занимала оборону за картотекой. «Чего надо?» – спрашивала она неприветливо. «Задачник по ядерной физике под редакцией академика Пипеткина...» – начинал перечислять суковец, заглядывая в длинный список. «Давай сюда бумажку», – говорила Вера, закрывая собой вход к стеллажам. Она нехотя выдавала книги и уже в спину уносящему ноги суковцу бросала: «Порвешь – башку отвинчу...»

И только Диму Баранова она привечала в своем святилище. Как ему удалось растопить сердце амазонки, не знал никто.

Баранов, нарушая строй, устремился к Вере, и кавалерист-девица вступила с ним в оживленную беседу. Иван подошел к ним.

– Доброе утро, Вера Сергеевна.

Вера, как обычно, пропустив мимо ушей приветствие, торопливо проговорила, обращаясь непосредственно к Диме:

– Купера я тебе отложила, вечером заходи.

И ушла.

– Вадим, – укоризненно сказал Терочкин, – ну что это за отвлекающие книги? Опять по алгебре запустил, физику не сделал...

– Да и пес-то с ними, – беспечно молвил Баранов.

Дежурный в столовой встретил друзей сурово:

– Почему опаздываете? Почему не в строю?

– Обсуждали новый гимнастический комплекс, – соврал Вадим. – Увлёклись. Прости, Герка, если можешь.

– Ладно, – смиростивился дежурный. – Сейчас принесу вам манную кашу.

Дима тоскливо посмотрел на длинные столы, за которыми сюковцы уже стучали серебряными ложками по саксонскому фарфору, и вздохнул. После завтрака Дима отнес обе тарелки – свою и Ивана – в мойку и куда-то ушел, не сказав ни слова. На самоподготовке его не было, и на обед он не явился.

Все!

– И пусть я трус, – бормотал Дима Баранов, – все равно не боюсь этой бандуры!..

Но он боялся.

«Бандура» была на самом деле древней машиной времени. Давно списанная за негодностью, она каким-то образом оказалась в подвале хозблока. Скорее всего, это произошло благодаря беспечности тети Хони, имевшей обыкновение устраивать в подвале свалку.

Машина представляла собою нечто вроде жестяного гроба с небольшим пультом управления. В подвал никто, кроме такого идиота, как Дима Баранов, не лазил, поэтому он без помех подвел к машине электричество и в один прекрасный день, сбежав с сампо, забрался в этот гроб.

Дима Баранов был трудновоспитуемым мальчиком. Администрация интерната проявляла понимание в вопросах, касающихся Баранова, ибо его родители героически погибли в космосе и стали легендой. А вот Баранов-младший вырос в ходячее недоразумение.

И вот теперь... Нашел эту жестяную коробку. Пока его товарищи сидели в уютном читальном зале над конспектами, Дима лихорадочно набирал на пульте шифр. Больше всего он боялся, что сюда заглянет старший воспитатель и обнаружит прогул. «Вперед», – шепнул себе Дима и нажал на красную кнопку.

Мгновенно вспыхнул яркий свет. Баранов зажмурился, но свет проникал под веки и слепил глаза. Он почувствовал толчок, а затем резкую боль, как будто его, Диму, телом разбили стекло в витрине и теперь протаскивают сквозь осколки. Он раскрыл было рот, чтобы закричать, но вспомнил: услышат, узнают о прогуле – и сдержался. Тянулось это долго. Целую вечность, может быть даже час. Руки сводила судорога. Слезы текли из-под зажмуренных век. Дима вслепую ткнул в пульт локтем. Его подбросило и вышвырнуло вон из машины. Перед глазами катастрофически потемнело, и в этой черноте свилась и ушла в бесконечность бледная спираль. А потом исчезло абсолютно все.

Однако и эта катастрофа длилась лишь некоторое время. Сознание постепенно возвращалось к распростертому на земле Баранову. Приоткрыв глаза, он обнаружил, что лежит лицом вниз в мутной луже посреди пересыхающего болотца.

– Ой, – сказал Дима и сел. И тут же взвыл от боли. Ломило все тело, как после хорошей драки. Низкое небо было мутным от жары. В ушах звенело. Баранов залез в карман формен-

ных сюковских штанов, извлек оттуда ветхую таблетку пирамидона¹ и сжевал ее, морщась и страдая.

Занесло Диму на юг, как он сам определил, исходя из пейзажа. Машины времени поблизости не наблюдалось. Подумав, Баранов расшнуровал высокие тяжелые ботинки и снял их вместе с носками. Трава ласково прикоснулась к барановским ступням, и Дима зажмурился от удовольствия. Он закатал штаны до колен, связал ботинки шнурками, чтобы перебросить их через плечо, и затолкал носки поглубже в недра ботинок.

Боль в затылке проходила. Дима встал на ноги. Куда ни падал взор, всюду зеленела трава. Дима избрал направление строго на солнце в надежде добраться до какого-никакого поселка и там выяснить, где находится.

Баранов побрел, спотыкаясь о комья земли и коряги. Солнце пекло все сильнее, от земли поднимался одуряющий запах. Разнообразные насекомые почти моментально слетелись к потному Диме и облепили его, норовя цапнуть за шею. А жилья все не было видно. Обуваться в такую жару не хотелось, хотя ноги уже пострадали. Наконец, он распорол себе левую ногу и, чертыхаясь, сел и стал возиться с ботинками. А вокруг было тихо, и земля добродушно гудела и выдыхала влажное тепло.

Дима встал. Вытер лицо рукавом. Его электронные часы показывали 21.24, но это ровным счетом ничего не значило. Проклятую машину занесло не только во времени, но и в пространстве. Возможно, сейчас утро понедельника где-нибудь в Батуми. И если он доберется до интернета к среде, то, возможно, успеет на сампо, с которой сбежал.

Он побрел дальше. В левом ботинке противно хлюпала кровь. В глазах было черно, словно он смотрел через закрытый объектив «Зенита», и в этой раскаленной черноте плавали кусты, деревья, не дающие тени, и бесконечная трава, трава в человеческий рост.

Дима увидел лужицу – не лужицу даже, а влагу на земле – и не раздумывая, рухнул, распластавшись всем телом, на этот крошечный прохладный пятachок. Если бы было можно, он так и остался бы здесь лежать, впитывая влагу каждой клеткой. На мгновение Дима заснул, терзаемый отданным себе приказом ни в коем случае не спать, и тут же вскочил, широко раскрыв глаза.

– Хватит, – сказал он хриплым голосом. – Я пошел.

И он пошел. Он упал еще раз, с хрустом переломив подвернувшуюся под ноги сухую ветку, а потом поднялся и увидел впереди белую от пыли дорогу.

Дорога оказалась отлично укатанной грунтовкой. Дима зашагал по ней, произвольно избрав направление. Он уже плохо соображал. Когда его нагнали четыре всадника, он совсем не удивился. Всадники сверкали медью, их лошади фыркали, они казались огромными в клубах белой пыли. Дима остановился. «Конечно, Батуми, – тупо подумал он. – Или Сухуми?»

Смуглые лица скалились в вышине.

– Я по-грузински не говорю, – громко сказал Дима, выражая готовность вступить в контакт с властями.

Но они кричали на него не по-грузински. Дима, задрав голову, моргал, не понимая, чего они от него хотят. А они явно чего-то добивались, они требовали, разъярясь все сильнее. Наконец, Дима увидел в волосатой лапе нечто вроде ножа – и к нему разом вернулась способность соображать. Он перестал отгонять от себя различные дикие предположения и вслушался. Они обращались к нему вроде как по-итальянски.

Назначенный в грядущей экспедиции медиком, Баранов в интернате изучал латынь. Он набрал в грудь воздуха и отчаянно закричал на этом языке:

– Заблудился! Я заблудился!

¹ Пирамидон – древнее название амидопирина.

Они заржали.

– Вонючий варвар², – сказал один из них. – Куда же ты шел?

– Мне нужно в интернат, – пояснил Дима.

Неожиданно его огрели сзади по голове чем-то тяжелым. Дима шатнулся и, чтобы не упасть, вцепился в чью-то ногу. Его грубо пнули, и Дима рухнул на дорогу.

– Вы чего? – медленно спросил он, поднимаясь.

Бронзовое лицо, склонившееся к нему с коня, было ужасным.

– Не прикидывайся дурачком, варвар. Ты виноват ничуть не меньше, чем те, кто уже понес наказание.

Глаза Баранова широко раскрылись. Он быстро шмыгнул носом и почувствовал железный привкус крови. Разбили нос, гады... И это явно не Батуми...

Лошадь фыркала и толкала его мордой. Дима машинально отступил. И вдруг ему стало очень страшно. Эти четверо не шутили. Они собираются его убить.

– Товарищи, тут какая-то ошибка, – начал он.

Лицо ближайшего к нему всадника полыхнуло гневом, и Дима в ужасе сообразил: уж кому-кому, а этим людям он, Баранов, не товарищ. А как их называть? Господа офицеры? Граждане начальники?

Пока все эти бессвязные мысли носились по обезумевшим барановским извилинам, в вышине сверкнул меч. Дима увернулся, удар пришелся вскользь по левой руке. Стало горячо и сыро.

– Не надо! – заорал он. – Мужики, не бейте!

Они переглянулись. Потом один из них сказал:

– Ты пойдешь с нами в имение Варизидия, варвар, и горе тебе!

Дима перевел дыхание.

– Почему вы называете меня «варвар»? – спросил он. – Разве я что-нибудь разрушил?

– А что, для того, чтобы быть варваром, обязательно что-нибудь разрушить? – с неожиданным интересом спросил младший из четверых.

Дима ответил, боясь обидеть его своей образованностью:

– Это слово стало нарицательным для тех, кто ломает и уничтожает, в память о том, как ужасно варвары разрушили Рим...

Он не понял, что произошло. Младший из всадников соскочил с коня и, бледный, с перекошенным лицом, схватил его за волосы.

– Повтори!

Дима косил глазами и молчал.

– Повтори, свинья! Повтори, грязная собака! Что ты сказал? Варвары разрушили Рим?

– Разрушили, – прохрипел Дима, – до основания. В четвертом веке...

Он ощутил несколько зверских ударов по лицу, после чего снова был брошен под копыта лошади. Сидя в пыли и размазывая слезы и кровь, Дима ошеломленно хватал ртом воздух. За кого они его принимают?

– Рим велик, могуч и непобедим, – вздрагивающим голосом произнес странный субъект. – И хвала Марсу Квирину³, будет таким вечно.

Марс Квирин, смятенно подумал Дима. Это не Грузия. Это Рим. Древний. Почему-то вспомнилась чья-то шутка насчет того, что древние римляне не знали-не ведали, что им

² Вот как трактует слово «варвар» Энциклопедический словарь (М., 1953): «Название, дававшееся древними греками и римлянами соседним племенам (германцам, кельтам и др.) и выражавшее пренебрежит. отношение господствующего класса рабовладельч. общества к этим племенам, жившим родоплеменным строем. В. сыграли огромную роль в уничтожении рабовладельческой Римской империи. В переносном значении В. – разрушители культурных ценностей».

³ Марс Квирин – бог-завершитель войны

предстоит стать древними римлянами. Вот эти четверо, во всяком случае, не имеют о том никакого представления. Прибьют ведь сейчас.

Дима закрыл глаза. Хотя за прогул сампо ругать не станут. Почему-то от этой мысли стало легче на душе. Грубые руки схватили Баранова, поволокли, умело затянули веревку за его запястья и потащили по дороге вдаль к имению какого-то Варизидия, да поглотит последнего ненасытное чрево космоса.

Вдоль дороги тянулись пастбища, а затем – виноградники. При виде винограда Дима мучительно ясно осознал, до какой же степени хочет пить.

И вдруг взвыл духовой оркестр. Всадники посторонились, уступая дорогу удивительной процессии. Судя по всему, это были похороны. Непосредственно за оркестром шли босые простоволосые женщины и громко переживали. Они все так искренне убивались по покойнику, что Дима так и не понял, которая из них вдова. Затем шествовали люди с восковыми масками на лицах – они изображали предков умершего. Дима содрогнулся и втихую осенил себя крестным знаменем. Легионеры подозрительно покосились на него, но промолчали. Проплыло погребальное ложе, прошли друзья и родные покойного.⁴

– Кто это помер? – спросил Дима.

– Варизидий, – машинально ответил младший из легионеров. – Да ты, никак, продолжаешь делать вид, что тебе ничего не известно?

– Я не делаю вид, – пробормотал Дима.

– Может и так, – неожиданно согласился солдат. – Убили твоего господина. Так что молись своим богам, скоро ты их увидишь.

– Во-первых, – запальчиво начал Дима, – у меня нет никакого господина. А если кокнули какого-то Варизидия, то я тут не при чем.

– Хватит болтать, – сказал другой солдат и так сильно дернул веревку, что Баранов чуть не упал.

Они прошли еще несколько сот метров и оказались возле сарая. Навстречу им шел молодой человек с лицом приторным и лживым.

– Привет вам, квириты⁵, – произнес он с некоторым пафосом.

– И тебе привет, – отозвались квириты. – Ты вилик?⁶

Молодой человек ответил утвердительно.

– Вот еще один раб этого дома, который пытался бежать.

– Я не раб! – закричал Баранов, но на него не обратили внимания.

– Я сверюсь с записями в кадастре⁷, – спокойно ответил вилик. Он взял веревку, которой был связан сопротивляющийся Дима, и затолкал Баранова в сарай. За стеной непрерывно топотали и что-то бурно обсуждали. Дима прислушался, напряг свои познания в латыни – и похолодел. Из разговоров явствовало, что Варизидия зарезали в бане его собственные рабы. А здесь, в Древнем Риме, в подобных случаях не утруждали себя поисками виноватых и, если рабы позволяли себе такие выходки, убивали всех, не разбираясь.

Завертелся в голове слезливый куплет, напеваемый в иные минуты тетей Хоней: «За высокой кирпичной стеной молодой арестант умирал, он склонился на грудь головой и тихонько молитвы шептал...» Погибнуть в космосе, открывая новые миры или спасая това-

⁴ Изображение похорон Варизидия почерпнуто из Плиния Младшего. Впереди похоронной процессии заслуженного гражданина действительно шел духовой оркестр, за ним наемные плакальщицы и «предки» умершего. Этот кортеж предков был самой торжественной частью процессии. Восковые маски, которые снимали с умерших членов данного рода и хранили в особых шкафах, теперь надевали специально приглашенные люди.

⁵ Quirites – квириты, первоначально жители сабинского города Cures, впоследствии наименование римлян. Jus Quirites – права римского гражданства. Почерпнуто из латинского словаря.

⁶ Вилик – управляющий усадьбой, традиционно – большой проныра.

⁷ Кадастр – комментатор в растерянности

рищей, – это то, к чему должен стремиться каждый нормальный сюковец. Но сдохнуть при рабовладельческом строе? Из-за какого-то Варизидия?.. Дима яростно дергал руки, пытаясь освободиться от веревок, и так увлекся, что не заметил, как дверь сарая отворилась.

– Выходи, – сказал ему вилик.

Дима вылез, шурясь на солнце.

– Я не помню тебя, – сказал вилик. – Возможно, ты и не принадлежишь к этому дому. В кадастре тебя нет. Хотя все вы на одно лицо... Но я могу помочь тебе, – продолжал вилик, ощупывая Диму глазами. – Выбирай. Или я отдаю тебя в руки властей, чтобы ты разделил участь своих сообщников... Или ты во всем полагаешься на меня, и я передам тебя человеку, который сохранит твою жизнь.

Дима молчал. Сложная мысль вилика не доходила до его помраченного сознания.

– Дай мне воды, – сказал он.

Вилик пропустил эти слова мимо ушей.

– Выбирай, – повторил он. – У тебя мало времени.

– Второе, – наугад сказал Дима.

Вилик потащил его куда-то по дороге прочь от усадьбы. Дима уже почти терял сознание и только понял, что в конце этого затяжного кошмара его благодетель продал его какому-то типу в плаще с капюшоном, после чего стремительно удрал.

Баранов пришел в себя от того, что ему в физиономию плеснули водой. Он оближал губы и потянулся за флягой, но флягу ему не дали, а налили воды прямо в ладони. Дима глотнул и тихонько засопел. Попутно выяснилось, что до сих пор он жил неправильно. До сих пор он полагал, что для счастья необходимо поколотить Эйвадиса и открыть для человечества новую цивилизацию. Квириты быстро убедили его в том, что он заблуждается. Пить воду, склоняясь лицом к связанным рукам, – вот и все.

Дима оборвал бесплодные раздумья и осмотрелся. Для начала он отметил, что сидит под деревом, между могучих корней, и что неподалеку расположилось еще человек пять – судя по всему, тоже рабов. А этот, с бичом в руке, конечно, работороговец, вроде Негоро. И еще два вооруженных – Вадим назвал их про себя «солдатами».

– Иди сюда, – сказал Диме торговец.

– Я? – с сомнением переспросил Дима и потрогал языком разбитую губу. Торговец метнул на него раздраженный взгляд и несколько раз похлопал себя по высоким сапогам рукояткой длинного бича. Поразмыслив, Дима поднялся на ноги и, слегка прихрамывая, побрел к нему.

– Иди, иди, не прикидывайся хворым, – прикрикнул тот.

– Тебе бы так врезали, – огрызнулся Дима.

Торговец удовлетворенно окинул взглядом его высокую фигуру. Мальчика, правда, портила эта ужасная варварская одежда. Сморщив горбатый нос, торговец расположился на трехномом складном табурете и взял в руки дощечку. Дима угрюмо стоял перед ним. Однажды его оштрафовали за неправильный переход улицы, и тогда, как и сейчас, он торчал занозой в глазу перед человеком, который хладнокровно задавал вопросы и записывал ответы. И даже вопросы были точно такие же.

– Имя, – буркнул торговец.

– Баранов Вадим, – ответил Дима, глядя на закатное солнце. Он учился смотреть на солнце не мигая. Пока что результаты не утешали, но сюковец никогда не должен терять надежды.

– Возраст?

– Четырнадцать лет.

Торговец еще раз пристально осмотрел его.

– Неплохо для четырнадцати лет, совсем неплохо. Место рождения?

– Город Ленинград.

«Ленинград», – не моргнув глазом, вывел торговец на дощечке.

– Знания?

– Ну... я не отличник, конечно, – сказал Дима, краснея. – Но и позором отряда меня не назовешь.

Торговец смотрел мимо него стеклянными, ничего не выражающими глазами.

– Знания? – повторил он.

– Средние, – твердо ответил Дима. Он не мог позволить себе солгать. Торговец в третий раз задал тот же вопрос и слегка зевнул. Похоже, ему по дешевке всучили кретина.

– Вообще-то, меня обучали медицине, – сообразил, наконец, Дима. – Совершенно лишняя специальность. Ведь болезни-то давно ликвидированы. Но раз по ТБ положено и никем не отменено, то меня и обучают. – Он помолчал и честно добавил: – Как самого бесперспективного.

Торговец безмолвно встал с табурета и толкнул Диму кнутом в шею. Дима побрел назад, к остальным. Его место под деревом, конечно, было уже занято. Остальные оживленно переругивались, выясняя, кто виноват в том, что их бирему, промышлявшую черт знает чем, пустили ко дну, а их самих изловили и вот гонят теперь в рабство в город Гераклею.

Дима остановился перед пиратами-неудачниками.

– Мужики, подвиньтесь, а? – сказал он.

Спор на мгновение прекратился. На него посмотрели с искренним удивлением.

– Я попросил вас подвинуться, – напомнил Дима. – На солнце очень жарко.

Они захохотали. Это был откровенно пиратский хохот. Приоткрыв рот, Дима взирал на них с удивлением. Он ничего не понимал. Ведь эти люди – его товарищи по несчастью. А они нагло потешаются над ним. Удивление не спеша превращалось в гнев. Дима побагровел. Его светлые волосы встопорщились, как перья. И нарушая все правила международной солидарности трудящихся, рассвирепевший Дима врезал ногой в подбородок хохочущему пирату.

Смех замер. Они вскочили на ноги, все пятеро, и молча окружили его, явно намереваясь ловким ударом цепями по голове раскроить ему череп. Дима встал в боевую позицию. Сражаться без рук, одними ногами, ему еще не приходилось. Он провел прием с такой молниеносной быстротой, что двое из нападающих не успели даже закрыться. Оставались еще трое. Дима повернулся спиной к дереву. Его мог спасти только отточенный смертоносный флям левой ногой с поворотом. Спасибо, Ванька гонял его на тренировках, приговаривал: «Пригодится в жизни, вспомнешь меня». Вот и пригодилось. Пригодилось в нелепой его барановской жизни. Переглянувшись, бывшие пираты вдруг заискивающе заулыбались.

– Да ты чего, парень, – сказал один из них. – Садись в тенек, отдохни.

Дима недоверчиво пожал плечами.

– Садись, садись, – поддакнул второй.

Все еще настороженный, Дима устроился между корней, положив связанные руки себе на колени. Два поверженных им противника слабо шевелились на земле и хриплыми головами проклинали богов.

– Завтра будем в Гераклею, – задумчиво сказал один из бывших пиратов. – И распродадут нас, братцы, задешево, как каких-нибудь сардов.

– Он действительно собирается всех нас продать? – спросил Дима.

– Конечно, – последовал ответ. – А что ты думал? Было время, мы и сами приторговывали людьми.

– У меня на родине такого нет, – гордо сказал Дима.

- Ты никак скиф?
- Нет, – ответил Дима.
- Значит, не скиф, – сказал пират и скучно почесался. – И не псесс, часом?
- Не псесс я, – уныло сказал Дима.
- И не хавк? – на всякий случай уточнил настырный пират.
- Да русский я, русский, – не выдержал Дима. – Отвяжитесь.

И они действительно отвязались, но сквозь сон Дима слышал их голоса, бубнившие то тише, то громче:

- Я же говорил, что он боруск. Боруски все такие...
- Да, странный он какой-то, – прошептал второй голос, и все провалилось в черноту сна.

Торговец поднял их рано, торопясь пройти дорогу до Гераклеи прежде, чем наступит нестерпимая жара, и вскоре уже небольшая процессия брела в сторону города.

– Я есть хочу, – сказал Дима одному из своих товарищей. – У нас в интернате в это время завтрак.

- Интернат – это где?
- На севере... – Дима вздохнул. – Тебя как зовут?
- Окрикул, – гордо сказал пират.
- Красивое имя, – вежливо отозвался Дима. – Ты не знаешь, Окрикул, почему он нас не кормит?

Бывший пират усмехнулся.

– А с какой стати? Он нас и голодными продаст, будь уверен.

Дима поежился, но промолчал. Торговец, проезжая на лошади, мимоходом стегнул обоих по плечам.

– Да удушит тебя Мефитида⁸ в своих смрадных объятиях, – тихонько проворчал Окрикул ему в спину.

Дима споткнулся о камень, подняв облако пыли. Глупость какая-то. Почему его занесло в Древний Рим? Какие кнопки он там перепутал? Троечник несчастный, недостойный сострадания сюковец. Теперь надо каким-то образом не уронить своего достоинства, чтобы потом не было мучительно стыдно. Потом? А вдруг не будет никакого «потом»? Дима похолодел. Что, если он навсегда завязнет в этом Древнем Риме? О знамя СЮКа, о Великий Космос, что же он будет делать в этой стране? Хорошо еще, что его заставляли изучать латынь. Надо хотя бы узнать, в какой век его занесло.

Дима лихорадочно стал думать. Он только сейчас сообразил, что приключение затягивается. Итак, век. Нужны какие-то привязки. Что же там было, в этом Древнем Риме? Дима поднатужился и припомнил: в Риме был Карфаген. Карфаген должен быть разрушен.⁹

– Ну, как там Карфаген? – спросил он нарочито легким тоном, словно вел светскую беседу.

Окрикул посмотрел на него как-то странно.

– Разрушен Карфаген, – задумчиво ответил он.

– И давно?

⁸ Мефитида – малоизвестная богиня, покровительница смрадных испарений сернистых источников.

⁹ Карфаген действительно был разрушен. Большая заслуга принадлежит здесь П. Корнелию Сципиону Эмилиану, о котором старик Катон, любивший призывать квинитов разрушить Карфаген, с отеческой нежностью говорил: «Он один только муж, все другие – скользящие тени». Историк XIX века пишет об этом пожаре так: «Все умерло, затихло, как в могиле, и город обратился в необъятное кладбище, над которым бурные ветры в союзе с прибоем завывают бесконечно повторяющимися аккордами дикую песню о рождении и смерти».

Окрикул помолчал, не зная, как реагировать на подобные вопросы, но Дима со всей задушевностью, на какую был способен, произнес:

– Если бы ты знал, Окрикул, как это важно для меня.

Бывший пират с сомнением почесал ухо скованными руками.

– Да лет уж десять прошло, – сказал он наконец.

Дима прикрыл глаза. Он напрягал свою зрительную память, пытаясь выудить из нее карточку с исторической датой. Учитель истории заставлял их писать крупными цифрами на карточках наиболее важные даты, полагая, что таким образом будет легче запоминать их на всю жизнь. Даты действительно въедались в мозги, как ржавчина, но сейчас почему-то выскакивали совершенно не те карточки. «Франки завоевали Галлию», «Карл Великий провозгласил себя императором». Стоп. «Третья пуническая война». Дима изо всех сил зажмурился, и из красноватого мрака поплыли синие корявые цифры: «146». Теперь осталось выяснить, до нашей эры дело было или уже после. Но как? «Э-э... Скажи, Окрикул, как там эра? Уже наша?»

Внезапно Диму осенило. Вместо «до нашей эры» говорят еще «до Рождества Христова». Стало быть, если эра наша, то весь этот скандал с Понтием Пилатом уже был.

– Скажи, Окрикул, – вкрадчиво спросил Дима, – не слышал ли ты о таком – Иисусе Христе?

– Полководец, что ли? – с сомнением сказал Окрикул.

– Философ, – поправил Дима. – Он бунтовал против Рима... Ну, и поплатился.

– Бунтовать нехорошо, – осудил Христа Окрикул. – Нет, про такого не слышал. А странно. Я ведь из Гадеса¹⁰, а Гадес, да будет тебе известно, это порт, и все сплетни нам доставляются прямо на дом, свеженькими...

«Значит, и эра не наша», – тоскливо подумал Дима. Он быстро посчитал в уме. 146 год до нашей эры. Минус лет эдак десять... 136-й год. Или 137-й. Словом, тридцатые годы. Что же там у них происходило-то, в их тридцатые годы? А что, если бежать?..

Они шли по пыльной дороге, по обочинам среди пыльной зелени стояли мраморные надгробия и жертвенники. От жары звенело в ушах. Солнце поднялось высоко и припекало весьма чувствительно.

– Почему он не дает нам воды? – хрипло спросил Дима.

– Если пить на жаре, быстрее устанешь, – отозвался Окрикул.

– У меня в глазах черно, – сообщил Баранов. – Я сейчас упаду.

– Дурак, – равнодушно сказал бывший пират. – Лучше этого не делай.

Дима заскрежетал зубами.

И в этот момент торговец крикнул:

– Привал!

Ни к кому Баранов еще не испытывал такой жгучей благодарности. Торговец остановил коня возле мраморной стелы, у подножия которой еле слышно журчала вода. Ледяная кристальная вода источника, бережно заключенного в мраморное кольцо. На барельефе надгробия склоняла голову закутанная в покрывало женщина. Торговец слез с лошади и, нагнувшись, зачерпнул воды. Два солдата поспешно наполняли свои фляги, а рабы переминались с ноги на ногу в ожидании, пока им позволят подойти и напиться.

Наконец, торговец отошел, и пятеро приятелей-пиратов беспрекословно расступились перед Димой. Он так хотел пить, что даже не заметил этого.

Он рухнул перед источником и начал жадно глотать воду. Утолить жажду ледяной водой не так-то просто, даже если не обращать внимания на пронзительно ноющие зубы. Дима поднял голову над ключом и замер, разглядывая печальный образ на барельефе.

¹⁰ Гадес – современный Кадис в Испании. Жители Гадеса назывались гадитанцами.

– Послушай... – заискивающе произнес над его ухом Окрикул. Дима обернулся. – Ты уже напился, – деликатно напомнил пират, – так отойди, а?

Дима покраснел и быстро встал на ноги.

Тем временем торговец, сидевший в тени деревьев на своем складном табурете, подождал его к себе. Дима поплелся. Он успел уже забыть, какую жгучую благодарность только что к нему испытывал. Торговец разложил на коленях баночки и кувшинчики с какими-то притираниями.

– Встань на колени и подними голову, – сказал он, не глядя на Диму.

Дима мрачно подчинился. Торговец со знанием дела замазал наиболее выдающиеся синяки и кровоподтеки на его физиономии и велел позвать тех двоих, которых Дима вчера вечером попортил во время драки.

Гераклея, небольшой сицилийский портовый город, ослепляла белыми стенами, сплошь исписанными углем и красной краской. Дома стояли к улицам спиной, окнами во дворы. Диму тошнило от голода, духоты и пыли. Как назло, торговец вел их портовыми кварталами, пропахшими рыбой и смолой. Они поднялись по крутой, извилистой улочке, и торговец постучал рукояткой бича в довольно грязную дверь.

Через несколько минут они стояли уже в прохладной полутемной комнате, освещенной через отверстие в потолке. Навстречу им шел человек средних лет, одетый в легкую тунику и легкие сандалии. Внешность его была совершенно стертой: серое лицо, маленькие глазки, чуть отвисшие щеки. Он напомнил Диме завуча их интерната.

– Милейший Канноний! – вскричал он.

– Милейший Воконий! – отозвался торговец.

Они перешли на диалект, которого Дима не понимал. Солдаты торчали у входа, припечатывая сапогами мозаичную надпись на пороге, и глазели по сторонам. Приятели куда-то удалились. Дима уселся на холодный пол. После раскаленной пыли это было блаженством. В интернате в это время обед. Он гулко вздохнул, вспомнив родную столовую.

– Вадим Баранов, – услышал Дима свое имя.

Он вздрогнул и поднялся на ноги.

– Сюда, – позвал чей-то незнакомый голос. Он звучал из-за темного занавеса на противоположной стороне комнаты. Дима откинул занавес, и свет ударил его по глазам. Под ясным небом зеленели подстриженные в форме птиц и рыб низкие деревца и кусты, среди них голо белели скульптуры.

Его тронули за руку.

– Сюда. Господин ждет тебя.

– А вы кто? – спросил Дима своего провожатого.

– Я диспенсатор¹¹, – последовал исчерпывающий ответ.

Воконий и Канноний сидели в крытой галерее, потягивая вино. Диспенсатор толкнул к ним Диму и, поклонившись, ушел. Воконий с интересом рассматривал павшего духом суюковца. Затем повернулся к Каннонию:

– Кто он по справке?¹²

– По справке он врач, но и боец недурной. Посмотри, как сложен! Несомненно, на родине его обучали владеть оружием.

Воконий покачал головой в раздумьях.

– Десять динариев, – сказал он.

¹¹ Диспенсатор – для понимания повести абсолютно неважно, что это такое

¹² Справка. – На шею рабу продавец вешал дощечку, на которой указывал родину, возраст, знания, достоинства и недостатки продаваемого. (Плиний Мл.).

– Дорогой мой Воконий!
– Хорошо. Сорок одна сестерция.
– Одиннадцать динариев, – сказал торговец. – Но учти, это грабеж.
– Северяне быстродохнут, – отозвался хозяин дома, отсчитывая сорок четыре сестерции.¹³

Вадим проснулся от того, что в него тычут палкой. Тыкали в спину, не то чтобы больно, но назойливо и довольно нагло. Дима зашевелился и со стоном сказал:

– Встаю, встаю...

Под руками зашуршали сухие листья и солома. Было темно и тесно. Дима зевнул и закашлялся от пыли. Вчера он так устал, что не соображал уже, где свалился в объятия Морфея. Сейчас кто-то настойчиво его из этих объятий извлекал.

Дима обнаружил себя в темной каморке площадью не более четырех квадратных метров, как он определил на глаз. На полу ее было устроено лежбище. В проеме двери темнела фигура с палкой в руке. Вероятно, это древнеримский сумасшедший дом, подумал в смятении сюковец.

– Эй, ты, – сказал человек.

Дима выбрался из каморки и оказался с ним нос к носу. Это был невысокий худой черноволосый человек лет двадцати семи или чуть больше.

– Ведь это ты – тот варвар, которого вчера привел Воконий? – спросил он, щуря глаза и рассматривая Баранова, имевшего довольно жалкий вид в драном сюковском комбинезоне, со всклокоченными волосами и тем туповато-рассеянным выражением лица, которое выводило из себя самых терпеливых преподавателей интерната.

– Меня зовут Вадим, – сказал он. – Вадим Баранов. Сам ты варвар.

– Так ты говоришь по-латыни? – удивился тот.

– Со словарем, – огрызнулся Дима.

Черноволосый, видимо, не расслышал. Дима с любопытством озирался по сторонам. Они стояли во дворе, довольно просторном. Сооружение отчасти напоминало Гостиный Двор. На галерею второго этажа и в портик первого выходили многочисленные двери, за которыми, судя по всему, были комнатухи, вроде барановской.

– Где это мы? – спросил Дима.

– Это школа Спурия Вокония, – был ответ.

– Школа? – в ужасе переспросил троечник. – С каким уклоном?

– С гладиаторским, – ответил черноволосый. – Раскрой глаза пошире, варвар. Ты теперь просто мясо.

– Что ты несешь? – возмутился Дима.

Тот фыркнул:

– Надеюсь, тебя не отправят в мой отряд.

Дима пожал плечами. Разговор ему решительно не нравился. Черноволосый обозвал его как-то непонятно, плюнул под ноги и пошел прочь. Дима с завистью посмотрел ему вслед. Затем он принялся рассуждать логически. Сейчас утро, сказал он сам себе. Независимо от эпохи, по утрам люди завтракают. Логично? Логично. Умница, Баран...

Ведомый безошибочным детдомовским инстинктом, Дима нашел столовую сразу. В длинной комнате шумно ели человек шестьдесят. Вадим появился там как раз вслед за своим давешним собеседником, которого приветствовали криками могучие молодцы.

– А вот и Кашеед, как волк из басни! – заорал один.

¹³ Динарии, сестерции, ниже по течению повести – ассы. Насколько удалось установить, 1 динарий = 4 сестерциям = 16 ассам, что примерно составляет 60 советских копеек по курсу 1964 года.

Черноволосый недобро сощурился, пробираясь между скамьями на свое место. Дима остался стоять посреди столовой. Отчетливо пахло едой. Гремели плошки, шаркали ноги, гудели мужественные голоса гладиаторов. Помимо того, раздавались разнообразные другие звуки, и все это было музыкой столовой. Баранов едва не расплакался. Он был смертельно голоден.

– Заснул, новобранец? – сердито сказал неизвестно откуда возникший тип в грязном фартуке и ткнул Диму плошкой в живот. – Садись и ешь, пока предлагают.

Дима взял плошку и огляделся по сторонам в поисках свободного места. Поначалу такового не оказалось, и он сел прямо на пол посреди столовой, зажал плошку коленями и начал есть руками, даваясь от жадности. Ему было наплевать, что остальные с любопытством смотрят. Раб в грязном фартуке стоял поодаль и насмешливо качал головой. Проглотив последнюю фасолину, Дима поднял голову и громко сказал:

– Добавки!

Повар в ответ фыркнул:

– Хватит с тебя, обжора-варвар.

Дима поднялся на ноги. Похоже, он действительно влип. Даже кухонный мужик ему хамит. Что предпринять сейчас, Дима решительно не знал. Врезать ему, что ли?

– Дай ему добавки, Мосхид, – сказал черноволосый негромко.

Мосхид сразу завял и поплелся на кухню, а черноволосый подвинулся, освобождая рядом с собой место на скамье, и кивком подозвал Баранова к столу. Дима перелез через лавку и плюхнулся рядом с ним.

Мосхид поставил перед Димой лошадиную порцию фасоли и обиженно исчез. Дима принялся за еду, тихо радуясь, что воспитатель их предгалактического класса не видит, как он тут ест прямо руками. Впрочем, ложек здесь ни у кого не было. И вилок тоже.

Черноволосый встретился с Димой глазами. Взгляд у него был тяжелый. Он дернул ртом, выбрался из-за стола и неторопливо вышел во двор. Дима обернулся к своему соседу – сирийцу, гибкому и тонкому, как ветка.

– Кто это?

– Север, – ответил сириец и добавил: – Гладиатор первого ранга.¹⁴

– Первого? – переспросил Дима. – А ты какого?

– Четвертого, – сказал сириец.

– Понятно, – заявил Дима с набитым ртом. – Почему он за меня заступился? Он местный альтруист?

Сириец пожал плечами:

– Блажь, значит, такая.

– А почему его называли «кашеедом»? – не унимался Дима.

– Назвали и назвали. Он не всякому спустит, так что ты лучше забудь об этом навсегда. – Сириец подумал и добавил, чтобы Диме было понятнее: – На арене Север непобедим. И никогда не щадит побежденного.

Дима, черпавший основную информацию о жизни из книг Высокого Гуманизма, всю жизнь полагал, что гладиаторы всячески пытались друг друга спасать и выручать. Некоторое время он жевал молча. Потом продолжил расспросы.

– Почему же у него такое мирное прозвище?

¹⁴ М. Е. Сергеев в своей превосходной книге «Простые люди древней Италии» (М. – Л., 1964) дает следующую информацию: «В гладиаторской школе имела своя иерархия. Новичок, еще не выступавший на арене амфитеатра, назывался „новобранцем“; после какого-то очень небольшого числа сражений, может быть, даже после первого поединка – он становился „ветераном“... Было пять гладиаторских рангов. Гладиатор по мере усовершенствования повышался в ранге... и в гладиаторских надгробиях родные или друзья не забывали упомянуть, что умерший был гладиатором первого или второго ранга (третьим, не говоря уже о следующих, хвалиться было нечего)».

– Потому что каша – их национальная еда.

– Да ну! – сказал Дима. – Вот это совпадение! У нас в интернате тоже каждый день каша. И все рубают за милую душу, один я урод какой-то. От перловки у меня вообще судороги делаются.

– Ты разве тоже римлянин? – удивился сириец.

– Нет! – отреагировал Дима.

Сириец снова пожал плечами.

– Но ведь Север – римлянин, – ответил он. – Разве ты не видишь?

Дима покачал головой:

– Как я могу что-то видеть, когда я на Сицилии-то второй день... – Он вдруг спохватился. – Как же это римлянин угодил в гладиаторы?

– Он осужден уголовным судом.¹⁵

– Ну и дела, – сказал Дима.

Когда Баранов вышел из столовой, солнышко уже припекало. Во дворе сражались на деревянных мечах четыре пары. Дима стоял посреди двора, засунув руки в карманы и ощущая себя кем-то вроде д'Артаньяна во время его первого визита к де Тревилю. Он машинально перебирал содержимое своих карманов: носовой платок, о котором достоверно знал, что он очень грязен; несколько желудей, завалившихся с прошлой осени; половинка расчески... В другом кармане у него прижилась ампула пенициллина, большая, как огнетушитель. Дима стянул ее из методического кабинета врачевания со смутной мыслью использовать потом в каких-либо целях.

Баранов поковырял шарик на запаянном конце ампулы. «Что делать?» – как сказал Чернышевский.

Его окликнули. Он увидел невысокого, уже пожилого человека, лысого, с большими ушами.

– Я Арий Келад, – сказал он. – Врач этой школы. Ты Вадим?

– Да, – настороженно ответил Дима, ожидая подвоха.

Арий Келад привел его в тесную, но очень светлую комнату, и велел раздеваться. Дима принялся совлекать с себя изрядно пострадавший серебристый комбинезон. Келад внимательно смотрел, как он вытаскивает ноги из штанин, не снимая ботинок, а потом сказал:

– И ботинки сними.

Голый Дима сел на пол и начал путаться в шнурках.

– Встань, – терпеливо сказал Келад. – Стой ровно.

Он осмотрел барановские зубы, послушал сердце и легкие, потом надавил на живот так, словно хотел прощупать сквозь желудок ребра, и спросил, не больно ли. Дима, наученный опытом многочисленных медосмотров, сцепил зубы и стоически потряс головой.

– Вот и хорошо, – равнодушно сказал Арий Келад и отправил раздетого суюковца к препозиту.¹⁶

Препозит выдал ему кожаные сапоги, короткую тунику, доспехи, замечательные своей несообразностью, а также деревянный меч и щит, сплетенный из ивовых прутьев. Баранов взгромоздил себе на голову каску с гребнем, обмотал правую руку ремнями, пристроил на талии толстый кожаный пояс с металлическими полосами и почувствовал себя полным идиотом. Некоторое время он стоял, не решаясь показаться в таком виде на люди, но в конце концов ему пришлось это сделать.

¹⁵ Гладиаторская школа, рудники и каменоломни были в древности двумя видами каторги, причем гладиаторская школа считалась более тяжелой. Только смертная казнь была страшнее. Преступников, осужденных по суду, – убийц, поджигателей, святотатцев – сюда и отправляли. Иногда эта участь ожидала и военнопленных.

¹⁶ Препозит – завскладом

«Черт с ним, – подумал Дима, – не глупее, чем писать контрольную по физике с противоголозом на морде».

Его отправили к Гемеллину, одному из лучших докторов школы.¹⁷ Старый гладиатор почти мгновенно уловил в новичке военную выправку. Спорт в интернате был настолько вездесущим, что настиг даже Диму Баранова, известного лентяя и прогульщика. Грубыми руками, умело и ловко, Гемеллин подтянул ремни и поправил на Диме доспехи. Дима молча подчинился, хотя дышать стало трудновато.

Гемеллин начал вводную лекцию. Баранов узнал из нее много поучительного. Например, что зрители платят за сражение как таковое и желают видеть не только хитроумные приемы боя и красивые комбинации, но и кровь, а также смерть. Доспехи, специально оставляющие незащищенными спину и грудь, созданы таковыми вовсе не для того, чтобы сохранить жизнь какому-то Баранову. «И это все происходит со мной, – внушал себе Дима тупо. – Это я должен уметь умирать в сражении как таковом...»

Гемеллин, заметив, что Дима отвлекается на посторонние мысли, сильно ударил его в грудь. Баранов закашлялся, поднял на него глаза, но промолчал.

– Тебя защитит только одно – твой щит, – сказал доктор. – Запомни, новобранец: раскрыться – значит, погибнуть.

Жизнь в казарме Спурия Вокония мало походила на роман «Спартак». В частности, в Баранова не влюблялись прекрасные аристократки, а сам он с верными соратниками не крушил отборных римских легионеров. С утра до ночи Гемеллин терзал его тренировками, устраивал учебные бои во дворе казармы или в гимнастическом зале. Баранов ходил в синяках по всему телу, неудержимо худел и жадно набрасывался на стряпню Мосхида, питавшего, как истинный грек, неприязнь к каше – национальному блюду римлян – и потому готовившего ее без всякой души.

У Вадима завелись медные деньги, которые он выигрывал в длинные кости¹⁸ по вечерам в близлежащем кабаке.¹⁹ Он уже знал, что азартные игры недавно в очередной раз запретили, но с чисто гераклеической беспечностью плевал на этот запрет. Среди местной публики новобранец-варвар прославился тем, что в игре никогда не выбрасывал «псов» и вообще был чудовищно удачлив. Благодаря этому встреча с ним почиталась в определенных кругах за хорошую примету.

Венцом этого разгула мракобесия стал визит некоей Гиспуллы Пандемос, которая явилась к нему после совершения ею обряда поклонения Мужской Фортуне²⁰ и застенчиво попросила изготовить для нее приворотное зелье, поскольку она задумала обольстить ланисту Вокония.²¹ С собою прелестная дева предусмотрительно захватила довольно вместительный сосуд. Увидев сосуд, Баранов застонал.

¹⁷ Доктор – мастер фехтования, занятый обучением гладиаторов, часто сам из их среды.

¹⁸ Длинные кости. – Автор почерпнул сведения об азартных играх Древнего Рима у безнравственного древнеримского поэта Овидия, сосланного в Крым за разлагающее влияние на квиритов. Длинные кости имели очки только на четырех сторонах. Худший бросок, при котором все кости показывали одно и то же число очков, назывался «псом».

¹⁹ Вся литература о гладиаторах грешит одним противоречием, которое авторы никак не объясняют. С одной стороны, описано, как они живут под постоянным надзором, всегда взаперти, словно в тюрьме. С другой стороны, это не мешает тем же гладиаторам постоянно шляться по улицам, кутить в кабаках и даже обзаводиться семьей. Вероятно, пишет М. Е. Сергеевко, «приходил в жизни гладиатора какой-то час, когда тиски свирепой дисциплины для него разжимались, и он получал право отлучаться из школы на определенный, более или менее длительный срок. С каких пор и за какие заслуги пользовался он этим правом, неизвестно; можно думать, что давали его людям, в которых были уверены, что они не сбегут».

²⁰ Обряд поклонения Мужской Фортуне публичных женщин хорошо описан знатоком соблазнов и разврата Овидием.

²¹ Ланиста – владелец гладиаторской школы. Покупка, продажа, обучение гладиаторов – вот его ремесло. Как и сводник, считался человеком запятанным. Между прочим, в повести анахронизм: действие происходит в 138 г. до н.э., а самая старая из известных гладиаторских школ принадлежала Аврелию Скавру, консулу 108 г. до н.э. Сведения взяты у М.Е. Сергеевко.

– Мисс Пандемос, – сказал он, – вы принимаете меня за кого-то другого.

Гиспулла продолжала упрашивать. Кончилось тем, что Баранов, ругаясь на средневековой кухонной латыни медиков, выставил ее вон. Уходя, она пригрозила ему немилостями Мужской Фортуны, каковая немилость обрушилась на Диму вечером того же дня.

Солнце спускалось к невидимому морю, белые стены внутреннего двора казармы наливались синевой, каракули и надписи на них тускнели, растворяясь в сумерках.

Дима Баранов сидел в казарме, и ему было очень хорошо. Впервые в жизни у Димы была своя комната, а не койка в общей спальне. К имевшимся там надписям, вроде: «Асти-анакс – мясо!» Дима добавил свои: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» и «Здесь был Баранов».

В раскрытые двери он видел вытоптанный двор с жалкими сухими клочьями травы по углам, шатающихся по двору гладиаторов – одни собирались идти спать, другие отправлялись в город.

Баранов посмотрел на свои ноги в шнурованных кожаных сапогах и пошевелил пальцами. Это были его собственные ноги, нет сомнений. Вадим Баранов, гладиатор, ха! Очень захотелось, чтобы его увидел кто-нибудь из интернатских.

Сейчас, наверное, там суeta, готовятся встретить 1 Мая. В актовом зале по вечерам репетирует агитбригада. Дима закрыл глаза и от переполнявших его чувств негромко запел:

Беснуйтесь, тираны, глумитесь над нами,
Грозитесь свирепой тюрьмой, кандалами!

Голос у Баранова глухой, ломкий, петь он никогда особенно не умел. Единственный раз он попал на сцену, когда девочки решили инсценировать песню «Как родная меня мать провожала, тут и вся моя родня набежала». По замыслу режиссера, на роль красноармейца требовался воспитанник, максимально приближенный к деревенскому типу. «Мне нужен тупица!» – вдохновенно ерошил волосы режиссер. Среди сюковцев таковым был только Дима. Его обрядили в шинель с «разговорами» и велели пропеть только одну фразу: «Не скулите вы по мне, ради бога». Что он и сделал, от волнения забыл мотив и после концерта получил устный выговор.

Сейчас же, когда его никто не слышал, Дима расслабился и выводил по-приютски слезливо:

Кровавые слезы потоком струятся,
Враги беспощадно над слабым глумятся...

– Эй, – позвал кто-то со двора.

Дима открыл глаза и, увидев в дверном проеме две фигуры, покраснел.

– Иди-ка сюда, – велел голос.

Дима нехотя вылез из комнатухи. Оказалось, что его пением наслаждались двое: Север и сам Спурий Воконий.

– Что это ты тут распеваешь? – спросил Воконий.

– Так... родина вспомнилась, – уклончиво ответил Дима. – Разве петь нельзя? Многие поют...

– Что ты пел о «тиранах»?

Вот черт, мелькнула мысль. «Тиран» – греческое слово. Вслух же Дима произнес как можно небрежнее:

– Ничего особенного...

– Переведи, – приказал Воконий.

Запинаясь, Баранов честно перевел свою песнь, стараясь сохранить все особенности стиля. По мере того, как он углублялся в перевод, Воконий все больше темнел лицом.

– «Ничего особенного»? – спросил он зловеще. – И это ты называешь «ничего особенного»?

– А что? – удивился Дима.

Воконий ударил его по лицу.

– Поешь подстрекательские песни? Какие это «тираны»? О чем это, а?

– Да ни о чем, – ответил Дима, утираясь. – Это национальные песни моего народа. Мы их на праздниках поем, прямо на улицах...

– И как относятся к этому ваши правители? – спросил Воконий, словно не решаясь поверить столь чудовищной лжи.

– Положительно относятся, конечно. Они стоят на трибуне, когда мы проходим мимо с этими песнями, и машут нам рукой.

– Тираны одобряют подобные песни? – Воконий, видимо, желал дать завравшемуся новобранцу последний шанс оправдаться.

– Какие еще тираны? – в свою очередь переспросил Дима. – У нас давно нет никаких тиранов.

– Тогда зачем вам такие песни?

Дима пожал плечами. Он никогда не задавался подобными вопросами.

– Ты лгун и подстрекатель, – сказал Воконий. – И к тому же наглец. Иди за мной.

Дима повиновался, бросив через плечо взгляд на Севера, и ему показалось, что римлянина забавляет вся эта история.

Воконий привел Диму в маленький внутренний дворик за кухней и призвал Мосхида.

– В колодки²² его на всю ночь, – распорядился Воконий, после чего удалился. Баранов остался стоять с полуоткрытым ртом. Мосхид толкнул его.

– Ты что, заснул? – спросил грек без всякого сострадания. – Не знаю уж, что ты там натворил, но спать тебе сегодня не придется.

Ночь действительно оказалась трудной для Баранова, но главное – слишком долгой. У него ломило кости, и с каждой минутой эти колодки становились все более и более невыносимыми. Сובлазн заорать был очень велик, но что-то продолжало удерживать его.

Потом он почувствовал чье-то присутствие. Дима поднял голову, но никого не увидел. Стояли сзади.

– Кто здесь? – спросил он шепотом.

– А ты ничего – крепкий, новобранец, – отозвался тихий голос. – Ничего, недолго осталось. Скоро рассвет.

– Север, это ты?

Невидимый собеседник негромко рассмеялся:

– Конечно.

Север обошел Баранова кругом, присел рядом на корточки и вытащил флягу.

– Пей, – сказал он, пристально поглядев на него в полумраке.

Дима, задышавшись, выпил почти всю воду, вытер подбородок о плечо и с трудом перевел дыхание.

– Эти чертовы колодки... Я больше не могу.

²² Поскольку автор никогда их не видел, то он позволит себе привести маловразумительное описание из книги «Простые люди древней Италии» и желает читателю удачи: «Колодки нашли в карцере помпейских казарм: это тяжелый деревянный брус с набитой на него железной полоской, в которой вертикально вставлены кольца на невысоких стержнях; сквозь все кольца пропущена железная штанга, наглухо заперенная с обоих концов тяжелыми замками. Провинившегося сажали на пол, клали его ноги между кольцами, продевали штангу через все кольца и запирали замки; просидеть даже несколько часов в таком положении было мучительно».

– Послушай, варвар, если ты еще терпишь, значит, ты можешь еще терпеть, – назидательно произнес Север. – Наши испытания, как правило, соразмерны нашим возможностям.

Дима молчал, размышляя над этим афоризмом. Север добавил:

– Считай, что легко отделался. Через пять дней фламин Юпитера дает игры. Если бы не это, тебе бы не поздоровилось за такое наглое вранье.

– Я не врал, – угрюмо сказал Баранов.

Север опять рассмеялся.

– Это насчет тиранов-то? Так я и поверил! – Он поднялся на ноги и добавил: – Ты единственный из всех новобранцев не мучаешься от нашего режима... А я знал ребят, которых это убило за несколько дней.

Север повернулся и неторопливо пошел прочь.

Дима ошеломленно смотрел ему вслед. И тут до него вдруг дошел смысл сказанного: через пять дней игры. Если за то время в интернате не найдут способа вытащить его назад, в XXII век, то вполне возможно, что это уже не понадобится. Он будет убит на потеху гераклейской толпы.

Дима Баранов медленно снимал с себя мишурно-роскошное одеяние, предназначенное для торжественного шествия гладиаторов вокруг арены, и надевал боевые доспехи. Он затянул потуже пояс, провел руками в ремнях по коротко стриженным волосам, тронул пальцем острие меча – настоящего, не деревянного, который Дима получил только перед выходом на арену. Диме предстояло сражаться вне жребия с победителем первой пары, и он заранее знал, что это будет Север.

Устроитель торжеств что-то сказал сидевшему рядом с ним юноше, тот кивнул, встал и прокричал на весь амфитеатр какое-то сообщение, поднявшее бурю восторга. Дима не вслушивался, занятый своими мыслями, и потому удивился, когда Север и его противник, Сириец, бросили свои щиты.

– Чего это они? – спросил он у лорария.²³

– Объявили сражение без щитов, – пояснил лорарий, – чтоб интересней было.

Вадим уселся на пол, скрестив ноги, и начал ждать. Перед выходом на арену Сириец замешкался. Дима понял это по негодующим воплям зрителей и крику боли: выгоняя Сирийца сражаться, служитель ткнул его в спину горящим факелом. Дима все еще не верил, что это происходит именно с ним и у него на глазах. Вокруг разговаривали, смеялись. С арены доносился лязг металла. Гудели голоса, как на футбольном матче. Потом все дружно заорали. И вдруг Дима снова увидел Сирийца. Лорарий, обвязав его веревкой под мышками, тащил его по песку, вялого, с болтающимися руками. Вадим вдруг ощутил, как пронзительная игла вошла в грудь, и от этой невидимой иглы, от груди к животу, пополз ужас. Баранова затоснило. Он склонился лбом к коленям, боясь, что его вырвет прямо здесь, на глазах у товарищей и служителей арены. Но тут в голову пришло спасительное воспоминание: он с утра ничего не ел, так что тошнить вроде как нечем. И эта дурацкая мысль вернула нормальное самочувствие.

²³ Лорарий – служитель цирка, чьей обязанностью было вытаскивать с арены трупы убитых.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.